

ния и высокий уровень имущественной состоятельности еще не являлись критериями принадлежности человека к господствующим верхам, — они не могли быть основаниями для претензий такого человека не только на государственную должность, но и вообще на право играть какую-либо роль в политической жизни. Наоборот, сам факт занятия государственной должности даже небогатым и незнатным доселе человеком автоматически вводил его в состав господствующей элиты; успешное дальнейшее продвижение этого человека по ступеням служебной карьеры символизировало постоянное увеличение объема его полномочий господства. Естественно, что причастность к власти предоставляла человеку возможность не только значительно укрепить свое материальное положение, но и обеспечить неприкосновенность своей собственности от посторонних посягательств, — добиться этого в условиях древневосточного общества было особенно важно, поскольку система государственных гарантий частного предпринимательства в отношении простых смертных здесь практически полностью отсутствовала. Однако в реальной повседневности все эти частнособственнические интересы и цели правящих верхов явно отходили на задний план в силу своей второстепенности и производности: оказывалось, что связанные с ними проблемы были способны автоматически разрешаться сами собой, когда и если достигалась главная цель — проникновение во властные структуры, в механизмы государственного аппарата. Поэтому борьба за приобретение места в этих механизмах, борьба за должность как таковую составляла главное содержание политического соперничества различных социальных группировок — столь аморфных и текучих, пока они оставались за пределами власти, и столь резко структурированных на уровнях, где была эшелонирована власть.

В различных древневосточных регионах проявлялись определенные специфические особенности, свойственные господствующим слоям данного конкретного государства.

Так, в *Древнем Египте* существовали определенные отличия в положении светской столичной и провинциальной (номовой) аристократии. Оставаясь самой привилегированной прослойкой в составе господствующих верхов, светская аристократия, тем не менее, находилась в состоянии известной конфронтации с центральной правительственной властью в лице